

1913
ГОДА

Ковальскія Епархіальныя Вѣдомости

еженедѣльный журнал

№ 42-й, 17-го Октября, № 42-й.

Житомиръ, Архіерейскій домъ.

Часть офіціальная.

Перемѣны по службѣ:

7 октября, псаломщикъ-діаконъ с. Радулина, Новоградволынского уѣзда, Пареній **Абрамчукъ**, согласно прошенію, переведенъ къ Успенской церкви м. Любаря, того же уѣзда.

7 октября, священникъ с. Дзвинячъ, Кременецкаго уѣзда, Николай **Дублянскій**, согласно прошенію, уволенъ за штатъ.

7 октября, псаломщикъ-діаконъ с. Губкова, Ровенскаго уѣзда, Алексій **Краевскій**, согласно прошенію, переведенъ въ с. Забужье, Владимірволынского уѣзда, а на его мѣсто въ с. Губковъ переведенъ псаломщикъ м. Красностава, Новоградволынского уѣзда, Григорій **Борковскій**: въ м. Красноставъ переведенъ псаломщикъ с. Ветель, Ковельскаго уѣзда, Иванъ **Грабовецкій** и въ с. Ветлы назначенъ окончившій курсъ духовнаго училища Александръ **Крыжановскій**.

8 октября, священникъ с. Пляшевой, Дубенскаго уѣзда, Михаилъ **Соботовичъ**, согласно прошенію, переведенъ въ с. Бѣлку, Кременецкаго уѣзда, священникъ с. Бѣлки Саввинъ **Кустыновичъ** въ с. Подборцы, Дубенскаго уѣзда, и священникъ с. Подборецъ Герасимъ **Черній**—въ с. Пляшеву.

8 октября, псаломщикъ-діаконъ с. Подборецъ, Дубенскаго уѣзда, Іоаннъ **Метельскій** переведенъ въ с. Шимковцы, Кременецкаго уѣзда, а на его мѣсто въ с. Подборцы переведенъ псаломщикъ-діаконъ с. Ромашковщины, Дубенскаго уѣзда, Іоаннъ **Прокоповичъ**.

8 октября, псаломщикъ-діаконъ с. Плиска, Кременецкаго уѣзда, Трофимъ **Шпаковичъ** переведенъ въ с. Бушу, Дубенскаго уѣзда, а на его мѣсто въ с. Плиску переведенъ, согласно прошенію, псаломщикъ с. Сестратина, Дубенскаго уѣзда, Николай **Дулевичъ**.

9 октября, кандидатъ богословія Московской академіи Діонисій **Лиснякъ** назначенъ псаломщикомъ церкви Житомірскаго сиротскаго дома.

9 октября, священники: с. Зинекъ, Кременецкаго уѣзда, Іоаннъ **Дунаевскій** и с. Песчатионецъ, того же уѣзда, Савватій **Корженевскій**, переведенные одинъ на мѣсто другого, оставлены на прежнихъ мѣстахъ.

9 октября, священникъ с. Чесновскаго Раковца, Кременецкаго уѣзда, Вонифатій **Яковкевичъ**, согласно прошенію, переведенъ въ с. Дзвинячи, того же уѣзда.

9 октября, псаломщикъ с. Шимковецъ, Кременецкаго уѣзда, Григорій **Гудзикъ**, согласно прошенію, переведенъ въ с. Сестратинъ, Дубенскаго уѣзда.

9 октября, псаломщикъ с. Буши, Дубенскаго уѣзда, Романъ **Козанъ** переведенъ въ с. Ромашковщину, того же уѣзда.

9 октября, учитель церковно-приходской школы с. Харалуги, Ровенскаго уѣзда, Иванъ **Ильчукъ** назначенъ и д. псаломщика въ с. Лисинцы, Лашковскаго прихода, Изяславльскаго уѣзда.

10 октября, псаломщики с. Павловичъ, Владимірволынского уѣзда, Леонтій **Пашкевичъ** и с. Коршева, Луцкаго уѣзда, Аванасій **Маркевичъ**, согласно прошенію, перемѣщены одинъ на мѣсто другого.

10 октября, дочь псаломщика Іуліанія **Талаховская** назначена просфорнею въ с. Ярунь, Новоградволынского уѣзда.

11 октября, псаломщики: Крестовоздвиженской церкви г. Ковеля Ананія **Мицевичъ** и с. Немиринець, Старо-

константиновскаго уѣзда, Иванъ **Скрипникъ**, согласно прошенію, перемѣщены одинъ на мѣсто другого.

11 октября, заштатный псаломщикъ Теофилъ **Недѣльскій** назначенъ псаломщикомъ въ с. Волицу-Дубищскую, Староконстантиновскаго уѣзда.

11 октября, псаломщикъ с. Копищъ, Овручскаго уѣзда, Іоакимъ **Гаюкъ**, согласно прошенію, отчисляется отъ мѣста.

Вакантныя мѣста.

а) священническія:

Въ м. Острожцѣ, Дубенскаго уѣзда; жалованья священнику 300 р. въ годъ; земли при церкви 34 десят.; прихожанъ 1204 души; помѣщеніе ветхое.

Въ с. Залѣсцахъ Шумскихъ, Кременецкаго уѣзда; жалованья священнику 300 руб. въ годъ; земли при церкви 52 дес.; прихожанъ 1730 душъ; помѣщеніе есть.

Въ с. Повурскѣ, Ковельскаго уѣзда; жалованья священнику 300 руб. въ годъ; земли при церкви 53 дес.; прихожанъ 2049 душъ; помѣщеніе есть.

Въ с. Чесновскомъ-Раковцѣ, Кременецкаго уѣзда; жалованья священнику 300 руб. въ годъ; земли при церкви 37 дес.; прихожанъ 862 души; помѣщеніе ветхое.

б) протодіаконское:

При Кременецкомъ соборѣ; жалованья протодіакону 180 руб. въ годъ; земли при соборѣ 54 десят.; прихожанъ 1862 души; помѣщеніе есть.

в) псаломщическія:

Въ с. Голубіевичахъ, Овручскаго уѣзда; жалованья псаломщику 50 руб. въ годъ; земли при церкви 57 дес.; прихожанъ 3543 души; помѣщеніе есть.

Въ м. Новомъ Ратно, Ковельскаго уѣзда; жалованья псаломщику 100 руб. въ годъ; земли при церкви 160 десят.; прихожанъ 3868 душъ; помѣщеніе ветхое.

При Троицкой церкви м. Лабуня, Изяславльскаго уѣзда; жалованья псаломщику 50 руб. въ годъ; земли при церкви 52 десят.; прихожанъ 701 душа; помѣщеніе есть.

Въ с. Багалахъ, Староконстантиновскаго уѣзда; жалованья псаломщику 100 р. въ годъ; земли при церкви 36 дес.; прихожанъ 1288 душъ; помѣщеніе ветхое.

Въ с. Радулинѣ, Новоградволынского уѣзда; жалованья псаломщику 100 руб. въ годъ; земли при церкви 33 десят.; прихожанъ 2425 душъ; помѣщеніе ветхое.

Въ с. Копищахъ, Овручскаго уѣзда; жалованья псаломщику 100 руб. въ годъ; земли при церкви 133 десят., прихожанъ 1970 душъ; помѣщеніе есть.

ВѢДОМОСТЬ

о движеніи суммъ Эмеритальной Кассы духовенства Волынской епархіи
за мѣсяць Августъ 1913 г.

ПРИХОДЪ.

РАСХОДЪ.

	Наличны-ми.		0/00 бумагами.	
	РУБ.	К.	РУБ.	К.
Къ 1-му августа 1913 г. оставалось .	11005	88	667	000
Въ м. августа поступило:				
1) членскихъ взносовъ	2727	6	—	—
2) 25 и 5 коп. сбора	1482	38	—	—
3) возвратной пенсіи	141	39	—	—
4) 0/000 отъ капитала	—	—	—	—
5) переходящихъ суммъ	618	15	—	—
6) пени	—	—	—	—
7) 0/000 бумагами	—	—	8000	—
8) пожарнаго сбора	—	—	—	—
9) депутатскаго сбора	51	20	—	—
ИТОГО въ приходъ съ остаткомъ	16026	6	675	000
Къ 1 сентября 1913 г. остается.	6474	99	675	000

	Наличны-ми.		0/000 бумагами.	
	РУБ.	К.	РУБ.	К.
Въ м. августъ израсходовано:				
1) на пенсіи	334	13	—	—
2) на пособія изъ 25 и 5 к. сбора	280	—	—	—
3) на покупку 0/000 бумагъ	8044	47	—	—
4) на возвратъ членскихъ взносовъ	71	26	—	—
5) на жалованье служащихъ въ Правленіи Кассы	143	32	—	—
6) на канцелярскія нужды	3	20	—	—
7) переходящихъ суммъ	674	69	—	—
8) 0/000 бумагами	—	—	—	—
9) на пожарныя пособія	—	—	—	—
10) на прогоны депутатамъ Съѣзда	—	—	—	—
ИТОГО	9551	7	—	—

Изъ означенныхъ денегъ на текущемъ счету въ мѣстныхъ отдѣленіяхъ Соединеннаго и Государственнаго Банковъ числится 6295 р. 10 коп. и въ Эмеритальномъ несгораемомъ шкафу 179 руб. 89 коп.; 0/0 же бумаги хранятся въ Казначействѣ. Кромѣ сихъ денегъ числится 15000 руб. долга за Епархіальнымъ свѣчнымъ заводомъ и передано въ Ссудную Кассу на выдачу ссудъ 20000 рублей.

Часть неофициальная.

Образъ буди вѣрнымъ (I Тим. 4, 12).

Эти слова св. Ап. Павла служатъ непреложною заповѣдью для христіанскихъ священниковъ всѣхъ временъ, странъ и народовъ. Для нашего постоянного памятованія начертаны на наперсныхъ крестахъ: „образъ буди вѣрнымъ словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою, чистотою“, т. е. будь образцомъ для вѣрныхъ, примѣромъ во всѣхъ словахъ, поступкахъ, дѣлахъ, каждый день, каждый моментъ твоей жизни. Безконечно велико служеніе священническое, не только земное, но и небесное. Священникъ—великій посредникъ между небомъ и землею, возносящій на небо молитвы грѣшныхъ людей, подкрѣпленныя и освященныя его ходатайствомъ, а на землю низводящій Божественную милость, благодать. По безконечному милосердію Христову священникъ—лѣствица, соединяющая небо съ землею; онъ приноситъ Жертву таинственную, къ которой „ангели желаютъ приникнути“, онъ имѣетъ отъ Христа Пастыреначальника Божеское право прощать и разрѣшать кающагося грѣшника,—право не дарованное даже ангеламъ. Поистинѣ высота неизмѣримая, величіе безконечное! Призванный на это служеніе человекъ долженъ быть святъ. И если бы каждый священникъ глубоко проникся сознаниемъ этого величія и своей превознесенности, то, конечно, и жилъ бы сообразно этому чисто, свято, такъ что каждый могъ бы быть такимъ же великимъ пастыремъ, какими были великіе свѣтильники первенствующей Христовой церкви, или какимъ былъ въ наше время блаженной памяти о. Іоаннъ Кронштадтскій.

Тогда священникъ не нуждался бы ни въ какихъ внѣшнихъ средствахъ для поддержанія въ „вѣрныхъ“ уваженія къ священному сану. Вѣдь всѣ почти христіане, знавшіе и имѣвшіе общеніе съ о. Іоанномъ Кронш., были его фанатическими почитателями.

Но къ великой скорби этотъ высокій идеалъ достигается рѣдкими богатырями духа. Намъ же, обыкновенныхъ смертныхъ пастырей, жизнь къ землѣ пригибаетъ, такъ что и при желаніи нѣтъ возможности постоянно возноситься горѣ умомъ и сердцемъ. Бываютъ, правда, моменты, когда ощущаешь въ себѣ Божественную благодать, чувствуешь въ душѣ присутствіе Бога. Эти моменты оставляютъ въ душѣ величайшую отраду, бодрость, духовную силу, счастье неземное. Но они, какъ моменты, очень непродолжительны: заботы житейскія, хлопоты, недостатки, непріятности слишкомъ скоро поглощаютъ эти блаженныя минуты и дальше священникъ не очень замѣтно возвышается надъ невнимательными къ своей духовной жизни мірянами. А между тѣмъ неизгладимая

заповѣдь св. Апостола постоянно гласитъ: „образъ буди вѣрнымъ“,—не будь наравнѣ съ ними, а гораздо выше ихъ.

Хочется поговорить въ данномъ случаѣ о нѣкоторыхъ мелочахъ въ пастырской жизни. Хотя эти мелочи и не имѣютъ значенія серьезныхъ проступковъ, но для лицъ, служащихъ христіанамъ свѣточами на пути къ небу, далеко не безразличны; здѣсь разумѣется игра въ карты, куреніе табаку, божьба и т. д. Повидимому—пустячки, но намъ „необходимо помнить, говорить о. А. М., что тамъ, гдѣ дѣло касается возможнаго соблазна „малыхъ сихъ“, нѣтъ и не можетъ быть мелочей. Малые и соблазняются малымъ. А для этого необходимо за собой слѣдить. Истинно... Вотъ собралось въ праздникъ нѣсколько іереевъ къ сосѣду. Послѣ обмѣна новостями, мыслями, впечатлѣніями, бываетъ—закладывается преферансъ, продолжающійся иногда и до утра. Конечно, надо допускать, что у добрыхъ сосѣдей нѣтъ желанія, какъ бы обыграть одинъ другого, такъ какъ и игра зачастую идетъ по маленькой. Есть, пожалуй, между насъ и записные игроки, ведущіе крупную игру, но это рѣдкія исключенія. Какая бы ни была игра въ карты, для прислуги и кучеровъ служить дурнымъ примѣромъ: прислуга изъ тѣхъ же прихожанъ, она и разблаговѣститъ по приходу, а кучера развезутъ по своимъ селамъ извѣстіе, чѣмъ развлекаются батюшки послѣ трудовъ своихъ праведныхъ. Повидимому мелочь, но священнику нужно считаться съ нею. Кто станетъ спорить, что не священники, хотя отчасти, послужили проводниками въ среду нынѣшней сельской молодежи карточной игры, въ послѣднее время такъ укореняющейся среди простонародья? „Образъ буди вѣрнымъ“...

Затѣмъ куреніе табаку... Это тоже предосудительная для священника привычка. Думается, что для крестьянина соблазнъ видѣть папироску въ зубахъ своего пастыря. Дѣйствительно, какъ тутъ ужъ учить прихожанъ воздержанію отъ страстей, когда человекъ, у приходскаго кормила стоящій, не есть господинъ своей воли? Лучшіе изъ крестьянъ эту привычку считаютъ порокомъ, грѣхомъ („чертова утиха“). Одинъ старичекъ рассказывалъ, что въ молодости безъ мѣры курилъ, но предъ первымъ паломничествомъ въ Кіевъ оставилъ куреніе. И что же? По пути на поклоненіе неоднократно находилъ кѣмъ то утеранный табакъ, а въ одномъ мѣстѣ цѣлыхъ $\frac{1}{2}$ фунта дорогого табаку: „то сатана скушавъ“, закончилъ свой рассказъ старичекъ. Вотъ взглядъ благочестивыхъ стариковъ на куреніе. А бываетъ и такъ: случится въ деревнѣ пожаръ отъ неизвѣстной причины; некурящіе прихожане въ такомъ случаѣ обязательно считаютъ причиной несчастья неосторожное обращеніе молодежи съ папиросами и просятъ священника усовѣщать въ церкви курящихъ. Какъ тутъ священникъ можетъ выступить со словами увѣщанія, когда и онъ прича-

стенъ этому пороку?... Священникъ на спѣвкѣ въ школѣ; онъ закурилъ,—басы и тенора сначала осторожно въ прихожей, а современемъ тутъ же въ школѣ (бываютъ примѣры) не отстаютъ отъ компаніи и у священника не хватаетъ смѣлости воспретить. Или какая некрасивая картинка получается, когда священникъ отправляется на погребеніе съ папиросой въ губахъ и затопчетъ окурокъ у порога хаты, гдѣ стоятъ уже съ крестами и хоругвями. А чуть вышелъ изъ кладбища, опять папиросу закурилъ. Или служить литургію въ приписномъ селѣ; по окончаніи Богослуженія, садясь на повозку, обязательно закуритъ. Крестьяне видятъ, что батюшка съ табакомъ въ карманѣ совершалъ Литургію, что куритъ сейчасъ послѣ св. Причастія, и соблазняются: вѣдь даже и распущенная молодежь считаетъ пока еще грѣховнымъ идти къ службѣ Божіей съ табакомъ въ карманѣ... А развѣ красиво смотрѣтъ, когда по перрону вокзала гуляетъ священникъ съ дымящейся папиросой: интеллигенты подтруниваютъ, пальцами указываютъ, старовѣры плюютъ въ его сторону, крестьяне соблазняются. Поистинѣ эта дурная привычка заслуживаетъ полнѣйшаго порицанія. И если ужъ нѣтъ у священника силы воли совсѣмъ оставить скверную привычку, то по крайней мѣрѣ слѣдовало бы курить такъ осторожно, чтобы хотя прихожане не знали, что ихъ батюшка куритъ, все таки это лицемѣріе менѣе достойно осужденія, чѣмъ соблазнъ. „Образъ буди вѣрнымъ“...

Дальше, еще не совсѣмъ мелочь... У иныхъ, особенно молодыхъ священниковъ, недавно оставившихъ школьную скамью, есть школьническая привычка часто божиться, чуть не каждую фразу подтверждать словами „ей Богу“. Если такой священникъ попадетъ въ тотъ приходъ, гдѣ его предмѣстникъ искоренялъ эту привычку въ народѣ, то какимъ неавторитетнымъ онъ покажется приходу изъ-за одной этой мелочи. Его будутъ осуждать за то, пока священникъ тѣмъ или инымъ способомъ не узнаетъ, что онъ служитъ соблазномъ для паствы и горько, конечно, будетъ это открытіе. Иногда бываетъ, что допускаютъ священники не совсѣмъ скромныя двусмысленности въ разговорахъ съ крестьянами, неумѣстныя шуточки, даютъ прозвища прихожанамъ. Что отчасти и можетъ быть допустимо съ нашей стороны въ отношеніяхъ съ интеллигенціей, то въ глазахъ простонародія умаляетъ авторитетъ священника и служитъ соблазномъ для крестьянина. „Образъ буди вѣрнымъ“...

Нельзя также обойти молчаніемъ небрежнаго отношенія къ установленнымъ постамъ въ семьяхъ нашего брата. Молодые изъ насъ совсѣмъ таки не считаются съ тѣмъ обстоятельствомъ, что на насъ пристально смотрятъ прихожане, слѣдятъ за нами особенно зорко, какъ мы относимся къ этимъ установленіямъ церкви. Да и не только молодые, есть очень не мало и пожилыхъ, здо-

ровыхъ іереевъ, не свободныхъ отъ упрека въ нарушеніи постовъ, есть и такіе, что не только сами съ семьей не соблюдаютъ постовъ, но и прислугу въ Петровку кормятъ молокомъ. А прислуга, вѣдь, никогда не умолчитъ объ этомъ на вопросы односельцевъ. Большой соблазнъ. Прошло безвозвратно то время, когда крестьяне говорили, да и убѣждены были въ томъ, что батюшкѣ можно много позволять себѣ, гораздо больше, чѣмъ мірянину потому, что батюшка умѣетъ много и хорошо молиться, такъ что скоро „отмолитъ“ свой проступокъ. Теперь болѣе здраво смотрятъ на вещи: если можно священнику, человѣку образованному, знающему Божіи законы и научающему другихъ, облагодатствованному, то тѣмъ болѣе позволительно человѣку темному, мірянину. Легкое отношеніе крестьянъ въ послѣднее время къ постамъ конечно, оправдывается ими примѣромъ, исходящимъ изъ дома священника. Съ какимъ умиленіемъ вспоминается то доброе старое время, когда наши матери не разрѣшали постовъ даже во время недомоганія своимъ дѣтямъ по достиженіи ими 7-лѣтняго возраста. Теперь нѣтъ и помину о такой христіанской строгости въ семьяхъ священниковъ, а потому и неудивительно, что нѣтъ ея и у пасомыхъ. „Образъ буди вѣрнымъ“...

Дальше нужно сказать еще о томъ, что очень многіе изъ насъ не считаютъ зазорнымъ выпить рюмки двѣ три водки на поминальныхъ обѣдахъ въ домахъ прихожанъ. Этимъ примѣромъ священника какъ бы санкціонируется умѣренное употребленіе алкоголя; но вѣдь кто-кто, а крестьяне въ особенности отъ умѣренности поразительно скоро и незамѣтно переходятъ къ излишеству; бываетъ иногда, что даже и въ присутствіи священника. Посему нужно считать достойными похвалы нерѣдкіе примѣры священниковъ, которые ввели въ своихъ приходахъ практику или вовсе ничего не ставятъ для выпивки, или же въ крайности церковное вино, къ которому, какъ церковному, народъ всегда относится съ уваженіемъ.

Наконецъ еще дефектъ въ нашемъ житіи, именно небрежное положеніе на себѣ крестнаго знаменія.

Иные очень рѣдко крестятся на Богослуженіяхъ, на что смотритъ народъ; другіе благословляютъ не именованно, а какъ то кулакомъ, или же не сгибая вовсе пальцевъ. Словомъ, есть не мало разныхъ, повидимому, мелочей, но на дѣлѣ служащихъ большимъ или меньшимъ соблазномъ для простого народа. Поэтому то необходимо каждому священнику быть очень внимательнымъ къ себѣ, къ своимъ поступкамъ, словамъ, выраженіямъ, нужно зорко слѣдить за своимъ каждымъ шагомъ. Будь мы внимательнѣе къ себѣ, сознавая свое достоинство, свою превознесенность, — народъ бы насъ несравненно больше уважалъ. А теперешнее неуважительное отношеніе прихо-

жанъ къ своимъ пастырямъ зависитъ въ большей своей части отъ того, что сами подаемъ поводъ къ тому. Хотя безспорно народъ ухудшился въ послѣднее время, но нельзя же все сваливать на народъ.

Волынскій пастырь.

Бытописатель бурсы.

(Къ 50-лѣтію со дня смерти).

„Бурса проклятая измозжила у меня силу воли и научила меня пить... А мнѣ жить еще хочется.. силы еще есть во мнѣ, но онѣ пропадутъ, если не остановить во время“.

Литературные юбилеи имѣютъ одну несомнѣнно хорошую сторону—они заставляютъ пересмотрѣть то богатство, которое писатель оставилъ въ своихъ произведеніяхъ, внимательно присмотрѣться къ тѣмъ идеаламъ, которые онъ завѣщалъ потомству.

Но недаромъ говорятъ, что общіе законы не подходятъ къ русскому народу: русскіе умѣютъ до небесъ превознести, но скоро, очень скоро и позабыть человѣка.

5-го октября исполнилось пятьдесятъ лѣтъ со дня смерти Николая Герасимовича Помяловскаго. Стоитъ заглянуть въ любой учебникъ по русской литературѣ, и вы убѣдитесь, что Помяловскій вмѣстѣ съ полузабытымъ сатирикомъ М. Е. Щедринымъ были нѣкоторое время „властителями душъ“, „кумирами“ тогдашняго общества.

Литературная дѣятельность Николая Герасимовича развивалась въ двухъ направленіяхъ. Въ романахъ: „Молотовъ“, „Мѣщанское счастье“, Помяловскій рисуетъ демократическое начало нашей общественности (60-е годы), повѣствуетъ о „мыслящемъ“ разночинцѣ, умномъ, честномъ, энергичномъ въ своемъ стремленіи „выбиться въ люди“.

Но не на этихъ романахъ, хотя и очень талантливо написанныхъ, основывается извѣстность Помяловскаго, а на безсмертныхъ „Очеркахъ бурсы“. Эти „очерки“ явились какъ не лзя болѣе во время, потому что тогда вопросы педагогическіе сильно волновали общество. Въ воздухѣ носились идеи, блестящимъ выразителемъ и истолкователемъ которыхъ явился Н. И. Пироговъ въ своихъ „Вопросахъ Жизни“.

Нужно оговориться, что при рѣшеніи этихъ „вопросовъ жизни“, т. е. вопросовъ педагогическихъ, всегда имѣлась въ виду только школа свѣтская, говорилось исключительно объ ея убожествѣ.

Широкіе слои общества и не подозрѣвали, что неподалеку отъ нихъ происходило нѣчто еще

болѣе ужасное, предъ чѣмъ мракъ ихъ школы казался свѣтомъ, позабывали о существованіи „бурсы“, которая планомѣрно портила одно за другимъ поколѣнія духовной молодежи. И вотъ въ 1862 г. въ журналѣ „Время“ появился рассказъ Помяловскаго „Зимній день въ бурсѣ“. Затѣмъ были написаны рассказы: „Бурсацкіе типы“, „Женихи бурсы“, „Бѣгуны и спасенные бурсы“, которые и объединяются обыкновенно въ изданіяхъ сочиненій Помяловскаго общимъ заглавіемъ „Очерки бурсы“.

Въ этихъ очеркахъ рисуется поистинѣ страшная картина жизни бурсы къ мрачные сороковые годы...

Въ бурсѣ все было анти-педагогично. Основнымъ ея зломъ, изъ котораго, какъ изъ логической посылки вытекали прочія, была мертвая, нелѣпая наука съ ея не менѣе нелѣпыми методами преподаванія—„отъ энтихъ до энтихъ“.

„Науку“ можно было постигнуть лишь путемъ неустанной долбежки. Долбежка-же эта, естественно, убивала всякую мыслительную способность, вселяла въ ученикахъ глубокую ненависть и беспощадное отвращеніе къ этимъ постылымъ наукамъ. Свое отношеніе къ бурсацкой „мудрости“ ученики выразили въ пѣснѣ, начинающейся такими словами:

„Сколь блаженны тѣ народы,
Коихъ крѣпкія природы
Не знавали нашихъ мукъ,
Не вѣдали наукъ?!..“

Страннымъ для насъ, но понятнымъ для школяровъ образомъ слово „наука“ здѣсь рѣмется съ словомъ „мука“.

Въ рукахъ такихъ „педагоговъ“, какъ Лбовъ, Долбежинъ, оставалась только одна мѣра „воздѣйствія“ заставить учениковъ учиться—розга.

И къ розгѣ у педагоговъ бурсы было какое-то равнодушіе. Упомянутый выше Долбежинъ, напр., считалъ долгомъ перепороть въ продолженіе года весь классъ. Когда одинъ ученикъ какимъ-то чудомъ остался къ концу года „цѣль“, то Долбежинъ выдралъ его потому, что тотъ имѣлъ дерзость оставаться столько времени невыпоротымъ.

„Тутъ архангелы подскочатъ,
Изъ-за парты поволочатъ,
Давай раба терзать,
Лозой его стегать!“

Подобныя экзекуціи, страшная грубость, порождали ужасныя отношенія между начальствомъ и бурсаками; училищная этика самыя возмутительныя приемы не считала предосудительными, разъ они были примѣнены къ „врагамъ“.

Принципъ „не ослабляй, бія младенца“^{*}), проводимый въ жизнь счень послѣдовательно, вызывалъ конечно и соотвѣтствующіе результаты.

^{*} Хотя такими „младенцами“ были часто 24—годовалые дѣтны.

Многіе, по природѣ своей способные, а иногда и положительно талантливые юноши, выданные однажды, становились просто неузнаваемы: исчезала ихъ дѣтская веселость, беззаботность, они становились злыми, драчливыми, грубыми, лѣнивыми, приучались пить и т. д. безъ конца. Однимъ словомъ, семья посылала въ бурсу добрыхъ дѣтей, а получала оттуда людей нравственно-искалѣченныхъ. Хуже всего было то, что начальство, не имѣя лично охоты наблюдать за воспитанниками, если можно такъ назвать бурсаковъ, набирало „начальниковъ“ изъ среды самихъ же школьниковъ. Здѣсь, конечно, было на первомъ планѣ то соображеніе, что нужно поселить вражду въ среду учениковъ. Старый рецептъ—*„divide et imper!“* Онъ именно и создалъ институтъ цензоровъ, аудиторовъ, секундаторовъ, институтъ, разившій до крайней степени въ средѣ бурсаковъ взяточничество, ростовщичество, доносы и другіе пороки, неизвѣстные хорошей школѣ.

Да,—впрочемъ, всего не перескажешь: многіе еще сами знаютъ эту школу, потому что въ далекіе дни своей молодости учились въ бурсѣ, были „нещадно биты“ и пересыпаны солью, а кто не имѣлъ несчастья знать ее лично, пусть перечтетъ двѣ сотни страницъ, написанныхъ не чернилами, а кровью писательскаго сердца.

Я говорю „кровью сердца“, потому что для писателя—гуманиста тяжело, больно видѣть, какъ милые дѣти, кроткіе, послушные, способные, грубѣли душою, а часто въ буквальномъ смыслѣ слова—страдали и тѣлесно. Припомнимъ несчастнаго „Лягву“, котораго бурса положительно сгноила, или бѣдненькаго мальчика—Караса (т. е. самаго Н. Г.), котораго на первыхъ порахъ били, какъ сидорову козу, товарищи, а потомъ болѣе четырехъ сотъ разъ за четырнадцать лѣтъ выдрало „гуманное“ начальство.

Бѣдные ученики! Бѣдная школа!!! Вотъ когда Н. Г. Помяловскій, онъ же и Карасъ („Бѣгуны и спасенные бурсы“), у котораго во время порки „на воздухахъ“ умерла его „карасиная душа“, когда Помяловскій показалъ міру Божьему страшную картину бурсацкихъ нравовъ, то общество было ошеломлено, придавлено страшными фактами.

У всѣхъ невольно возникъ вопросъ: какъ это, можно сказать на глазахъ, въ Александровскомъ училищѣ, творятся такія вопіющія безобразія?

Въ устраненіи этихъ безобразій, реформѣ духовной школы на новыхъ началахъ, болѣе гуманныхъ, Помяловскому, несомнѣнно, принадлежитъ видное мѣсто. Самаго Н. Г. засосала бурса: онъ озлобился и, какъ извѣстно, спился, но онъ не хотѣлъ, чтобы младшее поколѣніе шло по его стопамъ.

„Я расскажу ему *) все, до чего додумался: человекѣмъ, можетъ быть сдѣлаю!“ И писатель

*) Родному брату.

сдержалъ свое слово: не только брату, но и духовенству, всему русскому обществу рассказалъ онъ въ „Очеркахъ бурсы“ о ея неприглядности и, какъ могъ, ускорилъ муки рожденія новой духовной школы, которая—это требуетъ признать справедливость—построена на новыхъ, несравненно лучшихъ основаніяхъ.

Вотъ все это и заставляетъ, обязываетъ наше русское духовенство всегда съ благодарностью вспоминать имя Николая Помяловскаго, который не частыя минуты своего вдохновенія посвятивъ изображенію духовной школы.

Какъ добросовѣстный, объективный писатель, ставившій выше всего правду—матушку, онъ и въ бурсѣ нашелъ кое-что хорошее, подсмотрѣлъ, что у обитателей ея въ неразвитомъ, потенциальномъ состояніи имѣются великія силы, но проявиться имъ не дають тяжелыя условія печальной дѣйствительности.

Помяловскій, такъ образомъ, поставилъ на очередь въ своихъ „Очеркахъ бурсы“ животрепещущій вопросъ о созданіи нормальной обстановки для „дѣйствительной“ пастырской службы. Впослѣдствіи этого вопроса касались Лѣсковъ (хроника „Соборяне“, „Мелочи архіерейской жизни“), Альбовъ (Романъ „Ряса“), И. Потапенко („На дѣйствительной службѣ“), Гусевъ—Оренбургскій въ такихъ рассказахъ, какъ „Пастырь добрый“. (Пск. Е. В.)

Н. I—скій.

Свѣтская печать о духовенствѣ.

„Въ домѣ пастыря“.

Н. Тимковскій. Повести и рассказы. Т. V (1905—1907 г.г.).

Съ этимъ авторомъ читатели должны уже быть нѣсколько знакомы: ему принадлежитъ рассказъ „Обѣтъ“ съ правдивымъ изображеніемъ нужды сельскаго священника и его матушки *). Напоминаемъ читателямъ про этотъ рассказъ, т. к. онъ служитъ свидѣтельствомъ, что въ авторѣ нѣтъ вражды къ духовенству. Такое предупрежденіе къ сожалѣнію приходится дѣлать въ виду излишней мнительности нѣкоторыхъ: увидѣвъ въ рассказѣ или повѣсти отрицательный типъ изъ духовнаго міра, они готовы безапелляціонно рѣшить: авторъ священства не уважаетъ, священниковъ ненавидитъ, въ Бога не вѣритъ, врагъ отечества и т. д. и т. д. Оставляя въ сторонѣ причины подобной мнительности, мы должны установить здѣсь слѣдующія положенія: 1) есть авторы честные, правдивые, неподкупные, держащіеся завѣтовъ великихъ русскихъ писателей, которыхъ трезвая мысль и смѣлое слово всегда играли роль общественной совѣсти, и есть авторы продажные, готовые кого угодно хвалить или

*) „Трагедія матушки“, Еп. Вѣд. № 42, 1912 г.

въ грязь топтать, въ зависимости отъ того, гдѣ они находятся на службѣ; 2) къ этимъ двумъ различнымъ типамъ авторовъ у насъ должно быть и разное отношеніе, именно: глубокое уваженіе и благодарность къ первымъ и презрѣніе ко вторымъ, независимо отъ того, хвалятъ ли они насъ или осуждаютъ; 3) принимая во вниманіе несовершенство всей жизни и быта священниковъ съ одной стороны, и учительный характеръ великой русской литературы съ другой, мы должны быть готовы найти въ писаніяхъ лучшихъ авторовъ не изображеніе нашихъ достоинствъ, что легко можно купить у авторовъ второго типа, а бичеваніе нашихъ пороковъ—не злорадное, какъ у тѣхъ же авторовъ второго типа, а горькое, характеризующееся стихомъ пророка: „Горькимъ словомъ моимъ посмѣюся“; 4) въ виду этого преобладаніе въ произведеніяхъ хорошихъ авторовъ отрицательныхъ типовъ изъ духовнаго міра надъ положительными не должно вызывать въ читателяхъ уныніе; такими же преобладающими будутъ отрицательные типы и изъ недуховнаго міра; они должны быть указаніемъ только тѣхъ сторонъ нашей души, которыя далеки отъ совершенства, и причиной направленія воли нашей на ихъ усовершенствованіе. Предположивъ это перечисленіе нѣкоторыхъ очень часто забываемыхъ азбучныхъ истинъ, приступаемъ къ изложенію настоящаго разсказа.

Н. Тимковскій принадлежитъ, конечно, къ писателямъ перваго типа: его разсказы и повѣсти близко напоминаютъ Чехова. И творческіе мотивы и герои у автора почти Чеховскіе: та же безцѣльная пустота и жестокость жизни, наполненной противорѣчіями, тѣ же неудачники, несчастливцы, не поладившіе съ нею. Кромѣ неудачниковъ, благодаря которымъ большинство разсказовъ Тимковскаго наводитъ уныніе, какъ похоронный звонъ, есть также аналогичные кулакамъ чеховскимъ носители жестокаго въ жизни, люди черствые, эгоисты, какъ вампиры выпивающіе кровь изъ окружающихъ. Таковъ благочинный, о. Александръ Стигматовъ въ настоящемъ разсказѣ. Это бездушный эгоистъ, не знающій ни къ кому жалости, внушающій всѣмъ страхъ, доходящій до ужаса. Всю долгую жизнь, за которую онъ свель въ гробъ жену, пережилъ самоубійства дочери и племянницы, придушилъ самосознаніе въ одномъ сынѣ и пустилъ шататься по питейнымъ и всякимъ другимъ притонамъ другого сына, ни одного разу онъ не испыталъ чего-нибудь подобнаго жалости, состраданію. Какъ будто онъ совершенно не зналъ этихъ чувствъ. Самое противное, самое презрѣнное для него слово, по свидѣтельству его, сына было „гуманничать“. Съ виду „чистенькій, изящный и весь какой-то холодно-ясный, съ едва уловимымъ запахомъ благовоній, несвойственныхъ обыкновеннымъ людямъ“, умный, проникательный и насмѣшливый, всю жизнь онъ, по словамъ того же сына, смаковалъ самого себя,

свое лицо, свой умъ, свою рѣчь. „Въ гнусливомъ тонѣ его всегда слышалось одновременно что-то брезгливое и величаво-снисходительное“ и въ присутствіи его всѣ какъ то сжимались, говорили вполголоса, чувствовали себя несовершеннѣйшими. На языкѣ нашемъ нѣтъ повидимому слова, которымъ бы сполна опредѣлялся характеръ такихъ людей. Слово „эгоистъ“, кажется, ближе всего выражаетъ основу этого характера, но и оно не точно: оно не выражаетъ неспособности къ состраданію и жалости и не обозначаетъ тиранина, каковымъ Стигматовъ былъ для окружающихъ.

Содержаніе разсказа слѣдующее. Въ домѣ протоіерея Стигматова живетъ его племянница Клавдія, дочь раструженнаго за пьянство и скандальное поведеніе дьякона. Попавъ сюда по окончаніи епархіальнаго училища, Клавдія въ полной мѣрѣ испытываетъ на себѣ тотъ безпощадный гнетъ протоіерея, отъ котораго на ея глазахъ зачахла и умерла жена его, покончила самоубійствомъ дочь, ушелъ въ монашество одинъ сынъ и запоемъ запилъ другой сынъ. Въ эту самую мрачную пору своей жизни, когда, казалось, не могло уже быть выхода изъ удушливой атмосферы протоіерейскаго дома, Клавдія знакомится со студентомъ Михалкинымъ, столкнувшись съ нимъ въ Попечительствѣ, гдѣ она работала. У Михалкина по дѣламъ попечительства происходитъ стычка съ Стигматовымъ, въ которой онъ съ первыхъ же словъ „отчиталъ“ самолюбиваго протоіерея. Это и покорило Клавдію, до ужаса боявшуюся Стигматова, и она, внутренне протестуя противъ всего, связаннаго съ революціонною работою, стала выполнять нелегальныя порученія только изъ любви къ Михалкину, участвовавшему въ какой то партіи. Но дѣвица она была скромная, вѣрующая, нелегальную работу, да еще втайнѣ отъ благочиннаго, она считала большимъ грѣхомъ, и чувствовала потребность этотъ грѣхъ отмолить. Этимъ Стигматовъ и воспользовался для того, чтобы отомстить независимому студенту. Недоброжелательство къ нему о. благочиннаго усиливалось еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что Клавдія, очевидно влюбленная въ Михалкина, наотрѣзъ отказалась идти замужъ за подысканнаго ей жениха—кандидата на богатый сельскій приходъ. По заведенному о. Александромъ обычаю всѣ домашніе его должны были исповѣдываться у него. И вотъ на исповѣди Клавдія, сама того не подозревая, выдаетъ ему тайну Михалкина. Стигматовъ воспользовался наивнымъ признаемъ: онъ поручилъ отцу Клавдіи—пьяному растригѣ, выслѣдить Михалкина, и когда порученіе было исполнено, донесъ полиціи. Съ Михалкинымъ былъ арестованъ и сынъ Стигматова Николай, котораго Михалкинъ отыскалъ въ трущобахъ, вытрезвилъ, одѣлъ, помѣстилъ у себя и пристроилъ къ партійной работѣ. Въ продолженіи цѣлаго года послѣ этого благочинный преслѣ-

дуетъ Клавдію насмѣшками, перехватываетъ ея письма къ арестованнымъ и письма послѣднихъ къ ней. Не получая вѣстей отъ Михалкина, Клавдія рѣшила, что онъ забылъ ее, и потеряла всякій интересъ къ жизни, „замкнулась въ себѣ, почти не ѣла, почти не разговаривала, за что была прозвана Стигматовымъ молчальницей.—„Живой на небо хочетъ“—говорилъ онъ насмѣшливо“. Наканунѣ свадьбы двоюродной сестры—единственного нормального существа изъ всей семьи Стигматова, къ Клавдіи пришелъ выпущенный изъ тюрьмы Николай и рассказалъ ей, какъ ихъ арестовали, какъ Михалкинъ тосковалъ по ней и какъ умеръ въ тюрьмѣ въ мысли, что Клавдія отъ него отвернулась. Тутъ только на прямой вопросъ Николая, не она ли нечаянно выдала ихъ протоіерею, Клавдія вспомнила сцену исповѣди. Николаю она ничего не сказала, но вечеромъ, проводивъ молодыхъ, она бросилась подъ поѣздъ, увеличивъ такимъ образомъ собою число жертвъ черствости и эгоизма благочиннаго. Послѣдняго это впрочемъ ни мало не смугило: спокойно, какъ въ свое время къ смерти жены, а потомъ дочери, отнесся онъ къ самоубійству племянницы, а въ письмѣ, сообщая о немъ дочери, онъ резонерствуетъ о карѣ Божіей вѣроотступникамъ (Клавдія въ послѣдній постъ отказалась говѣть), „противникамъ предрержащихъ властей“.

Въ какой мѣрѣ типъ о. Александра правдивъ? На этотъ вопросъ отвѣтятъ тѣ мелочи, которые сообщаютъ художественному образу жизненность, индивидуализируютъ его. Онъ есть въ рассказѣ, но приводитъ здѣсь ихъ всѣ мы не будемъ, такъ какъ пришлось бы въ противномъ случаѣ выписать сюда половину рассказа. Отмѣтимъ нѣкоторыя. Тонкія, необыкновенно подвижныя хитрыя губы съ тщательно подбритыми усами, маленькія крѣпкія руки, быстрыми ласкающими движеніями разглаживающія скатерть на столѣ передъ тѣмъ, какъ ихъ обладателю хотѣлось сказать что-нибудь насмѣшливое, брезгливый или величаво-снисходительный тонъ, гнусливый голосъ—не громкій, но необыкновенно явственный, когда его обладатель былъ въ гнѣвѣ, высокоумное смиреніе при благословеніи народа въ церкви, эгоизмъ, доведенный до такой мелочности, какъ прятанье отъ домашнихъ лучшихъ закусокъ и винъ исключительно для собственнаго употребленія—все это какъ нельзя лучше гармонируетъ съ основными чертами характера о. Стигматова, все это дѣлаетъ изъ него образъ настолько живой и отчетливый, что въ жизненности его сомнѣваться невозможно. Во-первыхъ это гордый заслуженный городской протоіерей—тотъ аристократъ въ духовномъ мірѣ, котораго нерѣдко встрѣчаешь среди городского духовенства, въ консисторіяхъ, въ совѣтахъ и проч. Какъ представителя духовной среды, его, помимо наружности—очень благообразной съ великолѣпною блестящею лысиной, характеризуютъ высокоумное сми-

реніе, этотъ неуловимый запахъ благовоній, несвойственныхъ обыкновеннымъ людямъ, библейскій способъ выраженія, отъ котораго его насмѣшливыя замѣчанія дѣлаются еще язвительнѣе, а больше всего та самоувѣренность въ вопросахъ вѣры, изъ которой Стигматова ничто не могло выбить, не исключая и самоубійства близкаго существа, и которая всей фигурѣ его сообщаетъ видъ „холодной ясности“. Въ смерти Клавдіи онъ усматриваетъ „карающую десницу Праведнаго Судіи за отступленіе отъ православной церкви и повиновенія предрержащимъ властямъ“, причѣмъ дочь Павла получаетъ по этому поводу совѣтъ „уразумѣть перстъ Божій, пребывать въ сугубомъ благочиніи, быть одновременно и Марѳой, что означаетъ: „имѣній рачительница, домохозяйства блюстительница“, и Маріей, которая означаетъ: „почитаніе слова Божьяго, смиренномудріе, благочиніе и благопослушаніе“. То обстоятельство, что очки Клавдіи были найдены въ сторонѣ на полотнѣ дороги цѣлыми, истолковывается въ постскриптумѣ письма къ дочери, какъ нежеланіе самоубійцы „дерзновенно предстать въ очкахъ предъ лицо Всевышняго“. Съ такой философіей очевидно ничто не могло смутить о. Стигматова: готовые успокоительные отвѣты находились на все, хотя бы то была смерть жены, самоубійство дочери или племянницы.

Но кромѣ этихъ чертъ, характеризующихъ о. Стигматова какъ представителя духовной среды, глубже подъ ними залегаютъ другія черты, дѣлающія изъ него общечеловѣческой типъ, который можно встрѣтить у всѣхъ національностей во всѣхъ профессіяхъ и сословіяхъ, на разныхъ ступеняхъ культурности и общественнаго положенія, конечно, съ необходимыми вариациями. Такъ, въ томъ социальномъ классѣ, откуда бралъ своихъ персонажей Островскій, этотъ типъ представляетъ собой самодура; въ духовномъ мірѣ это о. Александръ Стигматовъ, бьющій плетью младшихъ дѣтей и бранящій старшихъ жестоко, язвительно; выше формы выраженія этого типа будутъ, конечно, болѣе культурны и т. д. Но при всѣхъ возможныхъ вариацияхъ сущность этого типа всегда одна и та же: эгоизмъ и прямое его послѣдствіе—неспособность заглянуть въ душу другого, часто самаго близкаго существа (по закону ограниченности человѣческаго сознанія), нежеланіе увидѣть въ ней подобное себѣ существо и признать его права равными своимъ; безпощадный гнетъ на окружающихъ, проявляющійся на разныхъ ступеняхъ въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, начиная съ кулачной расправы и оканчивая утонченнѣйшими моральными терзаніями; какая то особая страсть травить, приводящая людей, которые имѣютъ несчастье быть близкими и родными подобнаго существа, къ нравственному и физическому истощенію; наконецъ, жестокость, являющаяся прямымъ послѣдствіемъ непоминанія чужой души.

Полагая, что сказаннаго достаточно для общей характеристики главнаго героя разсказа, остановимся нѣсколько на его идеѣ. Весьма недвусмысленный намекъ на основную мысль разсказа даетъ заглавіе его. Судя по этому заглавію, все значеніе разсказа—въ часто встрѣчающемся въ жизни противорѣчїи между идейнымъ содержаніемъ званія пастырь и личностью носителя этого званія. Предостерегаемъ еще разъ читателей отъ искушенія заподозрить въ авторѣ злостное желаніе выставить на поруганіе пастырей вообще. Совершенно нѣтъ; наоборотъ, авторъ своимъ разсказомъ показываетъ свое очень большое уваженіе къ званію пастыря въ его идейномъ пониманіи. Взвѣсивъ вообще на жизнь больше глазами пессимиста, авторъ видитъ въ ней непрерывную цѣпь тяжелыхъ противорѣчїй между вѣрой и дѣйствительностью, между ожиданіемъ и исполненіемъ между требованіями справедливости и ложью, подлостью, несправедливостью жизни, между возможностью и осуществленіемъ; *) настоящій разсказъ есть лишь отдѣльное звено въ этой общей цѣпи, и въ этомъ его значеніе и его основная идея.

М. В—скій.

ПО ЕПАРХІИ.

Къ росписи новаго св. Троицкаго собора въ По-чаевской Лаврѣ.

Стѣнная живопись въ храмахъ впервые стала появляться на Руси съ того времени, какъ начинаютъ строить каменные церкви. Первый каменный храмъ былъ построенъ равноапостольнымъ княземъ Владиміромъ послѣ принятія христіанства. Затѣмъ начинаютъ строить каменные храмы и другіе князья. Такъ, въ 1017 году, какъ повѣствуетъ лѣтопись, великій князь Ярославъ Владиміровичъ заложилъ и св. Софію въ Кіевѣ, а въ 1050 году и въ Новгородѣ освящена была св. Софія. (Перв. Новг. лѣт.; Тверск. лѣт.) Оба эти храма созданы были по образцу греческихъ и благолѣпно украшены были мозаикой и стѣнной живописью. О Новгородской Софіи лѣтописецъ говоритъ: „устроивъ святую Софію, привелоша иконныхъ писцовъ изъ Цареграда, иначаша подписывати во главѣ, и написаша образъ Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа. (Трет. Новг. лѣт.)

Съ начала пятнадцатаго вѣка въ Россіи появляется уже своя самостоятельная школа иконописи, во главѣ которой были Даніилъ иконникъ и Андрей Рублевъ. Въ 1408 году эти свои русскіе художники по повелѣнію великаго князя обновляли греческую стѣнопись во Владимірскомъ Успенскомъ соборѣ. (Воскр. лѣт.)

*) Всѣ 13 разсказовъ лежащаго передъ нами V тома имѣютъ фабулой именно такія противорѣчїя.

Искусство иконописанія на Руси развивалось и укрѣплялось съ соблюденіемъ греческаго стиля вплоть до 17 вѣка; въ этомъ же 17 вѣкѣ временно приостановилось или вѣрнѣе было подавлено оригинальное развитіе тѣхъ формъ живописи, которыя внушались благолѣпіемъ (религіознымъ энтузіазмомъ) православнаго общехристіанскаго чувства и вообще церковной мысли.

Въ этотъ вѣкъ характеръ стѣнной церковной росписи былъ подавленъ изученіемъ классическихъ остатковъ какъ скульптуры такъ и архитектуры. И то, что первые христіане, горя истинной вѣрой ко Христу, сокрушали и закапывали, какъ нѣчто, что возстановляло въ ихъ памяти язычество, вновь начало изучаться съ Петровскихъ временъ. Въ это время Россія начала заимствовать многое отъ Запада, и у насъ было оставлено и наше религіозное родное искусство, а на смѣну ему явились всѣ западныя вѣянія съ ихъ религіозной чувственностью.

Нынѣ, какъ извѣстно, и великій Викторъ Васнецовъ держится такого убѣжденія, что искусство церковной живописи въ Россіи возвышалось въ своемъ правильномъ ростѣ отъ древнихъ временъ до Петровскихъ, послѣ чего начинается упадокъ вплоть до прошлаго царствованія, и самъ слѣдуетъ этому убѣжденію „фанатически“, какъ выражаются о немъ современные художники.

Въ этотъ же 17 вѣкъ начинается даже гоненіе на стѣнную живопись. Такъ, противъ стѣнной росписи храмовъ былъ изданъ Высочайшій указъ въ царствованіе Екатерины Второй, въ которой роспись стѣнныхъ стѣнъ признавали „неблагоговѣйною“ и было приказано замазывать и замѣнять отдѣльными иконами въ рамахъ.

Наконецъ, по Высочайшему повелѣнію Императора Александра III, этого монарха русскаго душою, и по другимъ причинамъ возникло теченіе возврата къ истинно церковному зодчеству, а вмѣстѣ съ архитектурой и возстановленіемъ на Руси новыхъ храмовъ, стали возвращаться и къ церковной росписи, которая составляетъ главную красоту церковную и недостатокъ которой чувствуется въ современныхъ русскіихъ храмахъ.

Эти же формы до Петровской живописи были національно-русскими, говоритъ Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Антоній, но не въ томъ смыслѣ, чтобы народность наша положила свой мірской отпечатокъ на христіанскую идею, какъ это было въ западномъ мірѣ, — а въ томъ, что русское сердце, какъ это уже замѣчено современными художниками, сумѣло воплотить въ краски и камень ту святую настроенность примиреннаго, покорнаго *умиленія*, которое давалось христіанамъ Востока только на высшихъ ступеняхъ духовной жизни и поэтому не могло такъ широко отразиться на произведеніяхъ ихъ искусства.

Итакъ 17 вѣкъ нашей исторіи долженъ быть прямымъ руководителемъ нашимъ въ церковной

живописи и особенно въ самомъ внутреннемъ убранствѣ храмовъ, надъ чѣмъ особенно много потрудился православный русскій геній.

Въ наше время изъ года въ годъ начинаютъ появляться храмы древней архитектуры съ исполненіемъ иконописанія и росписи стѣнъ въ строгомъ соблюденіи завѣтовъ старины. Къ числу такихъ храмовъ относится и новопостроенный св. Троицкій соборъ въ Почаевской Успенской Лаврѣ.

Для возстановленія истинности древняго храма по идеѣ Высокопреосвященнѣйшаго ктитора храма Архіепископа Антонія и при компетентномъ въ иконописномъ искусствѣ нынѣшнемъ намѣстникѣ лавры архимандритѣ Паисіи состоялась командировка завѣдующаго иконописной мастерской Почаевской Лавры іеродіакона Дамаскина во внутреннія губерніи Россіи для обозрѣнія и снятія копій съ стѣнной живописи, сохранившейся во многихъ древнихъ храмахъ.

Первымъ пунктомъ была Москва. Здѣсь были посѣщены храмы: Василія Блаженнаго, монастыри: Даниловъ и Донской, Кремлевскіе соборы—Успенскій, Архангельскій, Благовѣщенскій и Чудовъ монастырь. Въ этихъ храмахъ производилось наглядное наблюденіе, (копировки не было никакой) оставшейся стѣнной живописи, ея характера, размѣщенія по стѣнамъ изображеній Ветхаго и Новаго Завѣта и вообще изъ исторіи христіанской церкви. Ярославль: Здѣсь производилась копировка для стѣнной росписи Почаевского собора орнаментовъ и были списаны характерные лики Спасителя, Богоматери и Ангеловъ въ храмахъ св. Пророка Ильи и Іоанна Предтечи за Которослью (рѣка, впадающая въ Волгу).

Живопись въ Ярославскихъ храмахъ почти вся 17 вѣка. Лучшіе образцы послѣдняго вѣка, какъ вообще иконописи, такъ и орнаментики здѣсь сохранились лучше всего. Такъ въ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ сохранилась старинная живопись въ верхней церкви, и въ нижней церкви лишь часть, гдѣ придѣлъ Богоматери Печерской. Въ верхней церкви хорошо написанъ стариннаго византійскаго характера ликъ Господа Савваофа въ $\frac{3}{4}$ роста. Въ Успенскомъ соборѣ сохранилась прекрасная стѣнная живопись особенно въ алтарѣ. Въ боковыхъ куполахъ большіе лики Спасителя и Богоматери; кое-гдѣ время наложило свою руку. На прекрасныхъ строгихъ ликахъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ виднѣются пятна.

Ильинскій соборъ. Зайдя въ притворъ храма—поражаешься его росписью, какъ передаетъ очевидецъ этой роскоши. Каждый уголокъ, каждый уступъ стѣны, не говоря уже о потолкѣ и стѣнахъ. Сюжеты изъ апокалипсиса, евангелія и псалтири. Роспись исполнена яичными красками. Фигуры и все въ изображеніяхъ крайне интересно въ своей простотѣ. Тутъ зарисовано было много орнаментовъ. Въ храмѣ св. Предтечи въ лѣтней церкви живопись пожалуй даже интереснѣе,

чѣмъ въ церкви пророка Ильи, но зато орнаментомъ, правда, меньше.

Второй пунктъ Ростовъ-Ярославскій. Были осмотрѣны Кремлевскіе храмы (пять или шесть); монастыри Спасо-Іаковлевскій, гдѣ почиваетъ св. Димитрій Ростовскій и Авраамій.

Въ Кремлевскихъ храмахъ и Спасо-Іаковлевскомъ монастырѣ также живопись уцѣлѣла съ 17 вѣка. Для сравненія характера живописи двухъ эпохъ—17-го, какъ позднѣйшей, сохранившейся въ названныхъ выше городахъ со значительно ранней—12-го вѣка, сохранившейся въ храмахъ великаго Новгорода, была предпринята поѣздка въ послѣдній. Тутъ лучшіе образцы того времени (т. е. 12 вѣка) сохранились въ храмахъ Спасъ-Нередицкомъ, Θεодора Стратилата и только. Въ знаменитомъ храмѣ святой Софіи изъ стѣнной иконописи уцѣлѣлъ только ликъ Спасителя, написанный въ куполѣ. Остальной храмъ заново росписанъ, какъ видно съ претензіей на старину, но очень неудачно. Иконостасъ, къ счастью, нигдѣ не тронутъ. Къ этому можно прибавить двѣ старинныя иконы, по преданію вывезенные изъ древняго Корсуна.

Тихвинъ (Новгородской губерніи). Въ Тихвинскихъ храмахъ лучшіе образцы иконописнаго искусства тоже 17 и 16 вѣковъ сохранились въ ризницахъ обоихъ монастырей, какъ мужскаго такъ и женскаго. Главнымъ образомъ многое сохранилось въ вышитыхъ шелкомъ старинныхъ покрывахъ, воздухахъ и хоругвяхъ.

Изъ всѣхъ посѣщенныхъ пунктовъ во многихъ зарисованы были акворелью лики Спасителя, Богоматери, ангеловъ и святыхъ, также многое было переснято изъ орнаментики для воспроизведенія на стѣнахъ Свято-Троицкаго лаврскаго собора, своей архитектурой взятаго изъ храмовъ 17 вѣка, уцѣлѣвшихъ въ названныхъ городахъ.

Роспись въ новомъ соборѣ велась во всѣхъ трехъ алтаряхъ и теперь почти вся закончена. Внизу вокругъ оконъ и арки помѣщена орнаментика; первый ярусъ—святители; второй—надъ окнами изображено установленіе Божественной евхаристіи и въ апсидѣ главнаго алтаря—Богоматерь на тронѣ, окруженная сонмомъ ангеловъ.

На изгибѣ арки, впереди апсиды, по направленію къ иконостасу написанъ Богъ Отецъ, окруженный херувимами. У самаго иконостаса изображены святые отцы Давидъ и Соломонъ. Затѣмъ въ лѣвомъ придѣлѣ, гдѣ помѣщается жертвенникъ, въ апсидѣ—Іоаннъ Предтеча съ крыльями, какъ Великаго Совѣта ангель; ниже между окнами рядъ святыхъ архидіаконовъ временъ святыхъ апостоловъ: Стефана, мужа, исполненнаго вѣры и Духа Святаго, Филиппа, Прохора, Никанора, Тимона, Пармена и Николая, пришельца Антіохійскаго. За правымъ придѣломъ въ апсидѣ Богоматерь съ воздѣтыми руками, окруженная кругомъ херувимами съ двумя предстоящими ангелами съ рапидами, такъ называемая „радость“. Внизу между

окнами—новоявленные святители російскіе—
 Θεодосій Углицкій, Іоасафъ Бѣлгородскій, Ино-
 кентій Иркутскій и Димитрій Ростовскій. Затѣмъ
 Гавріиль Слуцкій—младенецъ, замученный жида-
 ми и Іовъ Почаевскій.

Великслѣпіе и красота росписанныхъ алта-
 рей не поддается описанію.

А. Чижевскій.

Изъ жизни другихъ епархій.

Въ Нижегородской епархіи на Епарх. съѣздѣ
 былъ заслушанъ, между прочимъ, докладъ комис-
 сій, составлявшей списокъ приходоу епархіи на
 предметъ полученія казеннаго пособія. Комиссія
 засвидѣтельствовала безотрадное матеріальное и
 въ зависимости отъ него моральное состояніе
 Нижегородскаго епархіальнаго духовенства слѣ-
 дующими словами, взятыми изъ журналовъ, со-
 ставленныхъ на мѣстахъ, въ разныхъ округахъ.
 Общая доходность въ селахъ и уѣздныхъ горо-
 дахъ значительно падаетъ съ каждымъ годомъ;
 жизнь дорожаетъ, а добровольныя даянія, облек-
 шіяся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ опредѣленную
 сумму за ту или другую потребу, не только не по-
 вышаются, а дѣлаются значительно ниже, ибо
 обязательствъ на прихожанъ нигдѣ никакихъ не
 налагаютъ; хотятъ они—платятъ, не хотятъ—ни-
 чего не платятъ. Издревле положенная во мно-
 гихъ селахъ руга въ настоящее время прихожа-
 нами почти нигдѣ не выплачивается. Многія тре-
 бы совершаются въ долгъ, что на обыкновенномъ
 языкѣ называется—*бесплатно*. Настаивать же
 бѣдному духовенству по отношенію къ прихожа-
 намъ на возвышеніи платы не приходится по
 идеѣ пастырскаго служенія. Между тѣмъ, само
 духовенство, не взирая на великую пониженность
 своихъ финансовъ, облагается весьма и весьма
 значительными сборами по содержанію всякаго
 рода членовъ и всѣхъ учреждений за послѣднія
 5—10 лѣтъ значительно повышено—или удвоено
 или утроено; только бѣдное православное духо-
 венство еще доселѣ остается тѣмъ пасынкомъ, о
 которомъ некому позаботиться, и средствъ на
 содержаніе котораго будто и взять негдѣ.

Годы, даже вѣка православное духовенство
 ждетъ, чтобы сняли съ него или хотя бы сколько
 нибудь облегчили это непосильное бремя мате-
 риальнаго существованія посредствомъ всякаго
 рода добровольныхъ подачекъ, которыя были и
 есть самая нищенскія, порой прямо унижающія
 не только пастырское, но и просто человѣческое
 достоинство,—ждало и ждетъ сего духовенство,
 а просвѣта и доселѣ никакого не предвидится.
 Въ виду этого, духовенство поставлено въ необхо-
 димость не говорить только о своихъ скорбяхъ
 и нуждахъ, а кричать,—да внемлютъ гласу сему,

да будетъ положенъ предѣлъ нравственнымъ
 страданіямъ и безъ того многострадальнаго и
 крайне обремененнаго всякими обязанностями, и
 прямыми и косвенными, духовнаго сословія.

Отмѣчая такую духовную скорбь духовенства
 Нижегород. епархіи, комиссія предлагаетъ съѣзду, между
 прочимъ, отъ имени епархіальнаго съѣзда, съ раз-
 рѣшенія епарх. преосвященнаго, ходатайствовать
 предъ Его Величествомъ Государемъ Императоромъ
 о томъ, не найдетъ ли благовременнымъ и
 нужнымъ Вѣнценосный и Державный Вождь
 русскаго народа, которому православное духовенство
 искони служило и служить вѣрой и правдой во сла-
 ву православной церкви, на благо Престола и отчиз-
 нѣ, принимая во вниманіе крайне бѣдственнае и
 нравственно невыносимое матеріальное положеніе
 православнаго духовенства вообще, а Нижегород-
 ской епархіи, какъ издревле зараженной раскол-
 омъ, а потому болѣе страдной и бѣдной, въ
 частности, дать повелѣніе обезпечить одновремен-
 но оное духовенство во всѣхъ приходоу казен-
 нымъ жалованьемъ или пособіемъ.

Обмѣнявшись мнѣніями по содержанію до-
 клада, епархіальный съѣздъ, принявъ составлен-
 ный, на основаніи благочинническихъ собраній,
 списокъ приходоу епархіи, постановилъ: „Про-
 сить и просимъ усерднѣйше Его Преосвященство
 войти отъ имени епархіальнаго съѣзда съ все-
 подданнѣйшимъ ходатайствомъ предъ Его Вели-
 чествомъ Государемъ Императоромъ объ едино-
 временномъ обезпеченіи всѣхъ приходоу Нижегород-
 ской епархіи казеннымъ жалованьемъ“. Ре-
 золуціей своей преосвящ. Нижегородскій прика-
 залъ изготовить ходатайство—представленіе Св.
 Синоду по содержанію постановленія духовенства.
 („Нижег. Еп. Вѣд.“ №№ 10—16). (Изв. по Хар. Еп.

ПЕЧАТЬ.

Въ „Откликахъ на жизнь“ свящ. В. Кузь-
 минъ напечаталъ письмо къ соратникамъ на
 нивѣ Христовой.

Жатва.

„Не говорите ли вы, что
 еще четыре мѣсяца и наступитъ
 жатва? А Я говорю, вамъ: воз-
 ведите очи ваши, и посмотри-
 те на нивы, какъ онѣ побѣлѣли,
 и поспѣли къ жатвѣ“ (Іо. IV 35).

Невольно припоминаются эти слова Спасите-
 ля всякій разъ, когда приходится слышать рѣчи
 о бесплодности евангельской проповѣди, о томъ,
 что нашъ русскій народъ якобы тупъ къ воспріятію
 евангельскихъ истинъ, что сколько ни про-
 повѣдуй ему, толку мало: плодовъ проповѣди не
 увидишь. Такъ обычно оправдываютъ нѣкоторые
 пастыри свое безмолвіе съ церковной каѳедры. А

другіе къ этому прибавляютъ: прежде чѣмъ мужику проповѣдывать евангеліе и трезвую благочестивую жизнь, надо улучшить его социальное экономическое положеніе; а безъ этого слово проповѣди будетъ отлетать отъ сердца мужика, какъ горохъ отъ стѣны.

Итакъ, по ихъ мнѣнію, не приспѣло еще время выходить съ серпомъ для евангельскаго слова. „Еще четыре мѣсяца“ до жатвы. Но „возведите очи ваши, и посмотрите на нивы“. Развѣ вы не видите, „какъ онѣ побѣлѣли и поспѣли къ жатвѣ?..“ Стоитъ родная нива, колосья нагибаются подъ тяжестью зерна. Ждетъ она своего хозяина. Но хозяинъ не идетъ, а приходитъ иной и своимъ серпомъ собираетъ плодъ. Православный пастырь безмолвствуетъ. А является баптистскій проповѣдникъ, къ нему сходятся толпы православныхъ, и онъ пожинаетъ ихъ серпомъ своего слова въ житницу свою. Послѣ этого православный пастырь приходитъ къ баптисту и говоритъ:

— „Зачѣмъ собралъ мою пшеницу въ свой амбаръ?“

— „А если это была твоя пшеница, то почему же ты не собиралъ ее въ свое время и не посылалъ серпъ на ниву свою?“ — возражаетъ баптистъ.

О, братъ! что ты отвѣтишь на это? Скажешь ли:

— „Я проповѣдывалъ, но меня не слушали“. Но скажи: развѣ мертво прочитать по книжкѣ или по тетрадкѣ разъ въ недѣлю и того рѣже значитъ проповѣдывать? Скажи: развѣ выходитъ на ниву съ тупымъ серпомъ на пять минутъ разъ въ недѣлю значитъ жать? Видѣлъ ли ты жатву, бывалъ ли ты въ страдное время на полѣ? Замѣтилъ ли ты, съ какимъ напряженіемъ и жаромъ кипитъ тамъ работа? Читалъ ли ты слова св. апостола Павла: „Итакъ, заклинаю тебя предъ Богомъ и Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ, Который будетъ судить живыхъ и мертвыхъ въ явленіе Его и царствіе Его: проповѣдуй слово, настой во время и не во время, обличай, запрещай, увѣщевай со всякимъ долготерпѣніемъ и назиданіемъ“ (2. Тим. IV, 1, 2)?

Вотъ, если бы ты такъ проповѣдывалъ и остался бы безъ плода, то тогда имѣлъ бы оправданіе. Иначе—баптисты будутъ твоими судьями на страшномъ судѣ Христовомъ, именемъ Котораго апостоль заклинаетъ тебя проповѣдывать слово со всею настойчивостью и долготерпѣніемъ.

Чѣмъ, вы думаете, баптисты, такъ сильно размножающіеся за послѣднее время, плѣняютъ сердца искони православныхъ людей? Чѣмъ, вы думаете, они сильны? Стройностью своей богословской системы? О, нѣтъ! За нѣсколько лѣтъ своего знакомства съ баптистами и собесѣдованія съ ними я убѣдился, что они не въ состояніи въ разумной полемикѣ отстаивать свои принципы,

Ихъ вѣроученіе не выдерживаетъ сколько-нибудь серьезной критики.

Ученіе ихъ о такихъ кардинальных вопросахъ вѣры, какъ о грѣхѣ и спасеніи (3 и 5 члены баптистскаго вѣроученія), является самымъ слабымъ мѣстомъ въ ихъ системѣ. Кромѣ того, система ихъ полна противорѣчій, ясныхъ для мало-мальски логически мыслящаго человѣка. И, несмотря на это, баптисты, однако, размножаются и собираютъ богатую жатву съ той нивы, которую многіе православные пастыри почитаютъ бесплодной. Опять спрашиваю: чѣмъ же сильны баптисты? Они сильны своей настойчивостью, своимъ одушевленіемъ, и главное, своею солидарностью въ дѣйствованіи. Посмотрите, съ какой энергичной настойчивостью они пропагандируютъ свое ученіе! И какъ они единодушны въ этомъ дѣлѣ! Каждый баптистъ считаетъ своимъ долгомъ проповѣдывать слово—при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Ни одинъ изъ нихъ не посятитъ вашего дома, чтобы не бросить нѣсколько сѣмянъ своего вѣроученія, какъ бы ни было кратко его посѣщеніе. У нихъ проповѣдники: кузнецы, мельники, торгаши, разносчики, мужчины, женщины, дѣти,—всѣ. И наковальня въ кузницѣ, и прилавокъ въ торговомъ заведеніи, и облучекъ ящика, и сусѣкъ у жернова, и нива на полѣ—являются для нихъ каедами проповѣди. Каждый вновь обращающійся къ нимъ тотчасъ же дѣлается и проповѣдникомъ. Пусть онъ знаетъ пока всего двѣ-три фразы изъ Писанія. Это его не смущаетъ: онъ будетъ ихъ повторять безъ конца съ различными своими комментаріями и непременно кого-нибудь заставить задуматься надъ вопросами вѣры. Вотъ въ чемъ сила баптизма.

А затѣмъ, посмотрите, какъ прекрасно они сознаютъ силу единенія! Съ какимъ усердіемъ они устраиваютъ съезды и собранія! И, кромѣ того, съ какою настойчивостью заботятся объ единеніи членовъ одной и той же общины между собою!.. Вотъ вторая причина ихъ вліянія. И, наконецъ, посмотрите, какъ отлично они усвоили то правило, что религія будетъ сильна лишь въ томъ человѣкѣ, которому дано было почувствовать силу ея вліянія въ опытѣ собственнаго сердца. Отсюда—забота баптистовъ и старанія создать на своихъ молитвенныхъ собраніяхъ атмосферу воодушевленія, чего они въ большей или меньшей степени и достигаютъ всегда. Конечно, болѣе развитой въ духовномъ отношеніи человѣкъ въ воодушевленіи баптистовъ замѣтитъ нѣкоторую искусственную экзальтированность и въ слезахъ ихъ то, что св. отцы называютъ „прелестью отъ сатаны“ (въ особенности въ отношеніи главарей; „новообращенные“ же и прозелиты баптизма со всею искренностью вѣруютъ въ богоносный характеръ ихъ воодушевленія); но для людей, которые въ религіи до сихъ поръ ничего не слы-

шали, какъ только безтолковое, псаломщическое и традиціонное:

— „Помилось, помилось, помилось“...

Да обрывки торопливо-монотоннаго чтенія эктений, да хотя бы и стройнаго (въ отношеніи нотъ), но мертваго пѣнія нашихъ клиросныхъ пѣвчихъ, которые послѣ пѣнія „Тебѣ поемъ“, сію же минуту способны смѣяться и подфигуривать другъ надъ другомъ, да (изрѣдка) бездушнаго чтенія книжной проповѣди. Для слышавшихъ и видѣвшихъ, говорю,—въ религіи только это и еще нѣчто худшее (о чемъ сейчасъ умолчимъ), баптистскія собранія съ ихъ воодушевленнымъ и сознательнымъ молитвеннымъ пѣніемъ, съ ихъ живою проповѣдью и съ ихъ (пусть даже фальшивыми) слезами могутъ показаться цѣлымъ откровеніемъ. Такъ вотъ въ чемъ, повторяю, сила баптистовъ: въ ихъ настойчивости, въ ихъ воодушевленіи, въ ихъ солидарности. Или лучше сказать: въ нашей апатіи, въ нашей теплохладности, въ нашей разрозненности. И до тѣхъ поръ, пока мы не сбросимъ съ себя эти позорныя, сковавшія у насъ живое слово, воодушевленіе и солидарность, цѣпи, до тѣхъ поръ бесплодна будетъ наша борьба съ баптизмомъ и всякимъ другимъ сектантствомъ, бесплодны будутъ всѣ наши пренія и хотя бы безупречныя, въ отношеніи логики, доказательства несостоятельности того или иного сектантскаго вѣроученія.

Но вы, сопастыри, быть можетъ скажете:

— „Не мы сковали эти цѣпи; не намъ и снять ихъ. Условія среды, воспитанія, дѣятельности и всей нашей жизни постоянно куютъ эти цѣпи. Нужно измѣнить весь строй нашего бытія, и тогда мы свободно и съ радостью пойдемъ навстрѣчу Христу и народъ поведемъ за собою“.

Если такъ вы скажете, то я напому вамъ слова Гегеля, „не цѣпи дѣлаютъ раба, но рабское сознание“.

О, братья! Сбросьте со своего ума эту опасную и коварную мысль, что вы будто бы рабы среды. Нѣтъ, вы не рабы. Вы—господа среды. Вы должны вліять на среду, а не среда на васъ. Вы—свѣтильники. Не забывайте, что въ васъ живетъ благодать Св. Духа. Вы должны создавать и творить условія жизни, а не условія васъ. Повѣрьте, что единственный вашъ врагъ это рабское сознание, это ложное ваше убѣжденіе, что вы будто бы всецѣло находитесь въ зависимости, въ рабствѣ условій, создаваемыхъ кѣмъ то со стороны. Выкиньте это страшное чувство изъ своего сердца! И сдѣлайтесь свободными друзьями Христа (Іоан. XV, 14—15).

Нечего ждать какой то перемѣны условій. Нужно работать въ тѣхъ условіяхъ, какія есть. Развѣ современныя условія тяжелѣе тѣхъ, въ которыхъ работали апостолы? Нѣтъ, конечно; наши условія несравненно легче. Слѣдовательно, если мы искренно вѣруемъ въ свое преимство отъ апостоловъ, мы должны теперь же выходить на

жатву, не медля ни одного часа. Не съ тупыми серпами, не съ теплохладными словами, не съ книжной проповѣдью „черезъ чась по ложкѣ“, нѣтъ! Но со словомъ живымъ, настойчивымъ, энергичнымъ, съ тѣмъ словомъ, для котораго „нѣтъ узъ (2 Тим. II, 9), которое „острѣе всякаго меча обоюду остраго“, ибо „проникаетъ до раздѣленія души и духа“. (Евр. IV, 12).

Пастыри! Дѣлатели! Страда прислѣла! Возведите очи свои и посмотрите на нивы, какъ онѣ побѣлѣли и поспѣли къ жатвѣ. Отточимъ же серпы свои и выйдемъ на жатву! Выйдемъ на дѣланіе „и дѣланіе до вечера“.

Въ Тульскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ напечатана интересная статья іер. Тихона:

Служителямъ Божія слова.

(Какъ я отрѣшился отъ тетради и аналоя).

Много разъ говорено и писано о превосходствѣ живого изустнаго поученія предъ мертвымъ чтеніемъ по тетрадкѣ, или и того хуже—по книгѣ печатной,—последнее предполагаетъ, въ большинствѣ случаевъ, чтеніе поученія чужого, непродуманнаго, непрочувствованнаго, наскоро подысканнаго въ одномъ изъ проповѣдническихъ сборниковъ, въ такомъ изобиліи предлагаемыхъ книжнымъ рынкомъ по дешевой и всѣмъ доступной цѣнѣ.

По этой причинѣ я не буду распространяться на ту же тему, скажу лишь, что мнѣ всегда до боли становилось обидно и горько и досадно на себя, что я, хотя и недостойный, но все таки облагодатствованный іерей Бога Вышняго, не даю въ своей проповѣди вѣрующимъ того, что сплошь и рядомъ предлагаетъ своей аудиторіи любой сектантскій „вѣроучитель“, подчасъ—человѣкъ совершенно безграмотный и невѣжественный... Становилось досадно на робость при мысли о томъ, чтобъ вдругъ выйти на амвонъ да и „заговорить“...

И неужели же, думалось мнѣ, такъ трудно и даже невозможно, какъ говорятъ иные, развитъ въ себѣ способность поучать изустно... Неужели же правда то, что даръ изустнаго проповѣдничества есть даръ, и только даръ, и кто не получилъ его—да молчитъ или... читаетъ по тетрадкѣ?

Нѣтъ, неправда это, думалось мнѣ... Буду трудиться и работать надъ собой, буду читать св. отцевъ, буду молиться, чтобъ Господь помогъ мнѣ стяжать столь необходимую въ наше время способность говорить, а не читать поученія...

Съ чего начать?

Для начала я положилъ себѣ за правило никогда не читать въ церкви чужого поученія, предварительно не продумавъ его и не подправивъ въ смыслѣ болѣе подходящемъ къ составу и обстоятельствамъ жизни моихъ слушателей... Пошло

дѣло; но не быстро. Каждую очередь (намъ приходится говорить поученія 5—6 разъ въ мѣсяцъ) нужно было перерыть груду книгъ, чтобы найти мало-мальски подходящее поученіе... Это обязанности, на мнѣ лежащихъ, утруждало меня да и кромѣ того—плодовъ видѣлось мало.

Часто, во время проповѣди, поднимая отъ книжки глаза на слушателей, я долженъ былъ убѣдиться въ томъ, что нѣкоторые изъ моихъ предполагаемыхъ слушателей, присѣвъ, вздремнули, другіе вышли, третьи хотя и слушаютъ, но или изъ приличія, или просто съ благочестивой цѣлью „нудятъ себя“, царствія ради Божія..

— Не то!

Снова даю себѣ слово никогда не читать чужихъ поученій; когда настанетъ моя очередь, готовить свое поученіе.

Сталъ читать свое по тетрадкѣ.

Не распространяясь много, скажу, что „нуждницы“ внимательнѣе слушать стали, но... и только..

— „Господи, что за мука.. Возсіай-же въ сердцѣ моемъ Твоего богоразумія нетлѣнный свѣтъ и мысленная моя отверзи очи.. Господи, отверзи уста моя и возвѣщу хвалу Твою“...

Вдругъ однажды, какъ сейчасъ помню, подъ Успеніевъ день, меня осѣнила мысль: „а что, если завтра сказать поученіе безъ тетрадки?“

Внутри что-то шепчетъ: „а ну какъ осрамишься?“

— Господи, думаю, да неужели-же я настолько опустился, что хуже школьника сталъ: вѣдь рассказываютъ же школьники урокъ по священной исторіи, неужели-же я не сумѣю рассказать съ церковнаго амвона объ Успеніи Божіей Матери и вывести какое-либо, хоть въ нѣсколькихъ словахъ, назиданіе... ну, хоть о мирной христіанской кончинѣ, что-ли?..

Съ такими мыслями отслужилъ наканунѣ всенощную... Придя отъ службы, развернулъ Прологъ подъ 15 авг. Какое то св.-отеческое поученіе положено на сей день, а раньше сказаніе о событіи праздника.

Читаю строку, другую... увлекся и прочиталъ до конца. Вотъ и отлично, думаю, завтра я и перескажу молящимся то, что самъ прочиталъ сегодня.

Насталъ „роковой“ день, какъ я мысленно называлъ день моего „безстрашнаго“ выступленія предъ слушателями, предварительно не отгородившись отъ нихъ аналоемъ и не защитивши себя тетрадкою. Началась литургія и близится къ концу. Причастилъ людей, помню множество причастниковъ было... Прочелъ заамвонную молитву... Поютъ „буди имя Господе“... Еще минута колебанія и... я, приложившись къ престолу, выхожу на амвонъ и рѣшительно начинаю:

— Во имя Отца и Сына и Св. Духа!

А у самого промелькнуло въ головѣ: что ты надѣлалъ?

Толпа всколыхнулась и, какъ волна, подкатила къ амвону.

И что же вы думаете? Послѣ двухъ-трехъ словъ, страхъ мой какъ рукой сняло, голосъ сталъ увѣреннѣе, и я великолѣпно „разсказалъ“ свой „урокъ“ изъ Пролога, добавивъ кое-что изъ читаннаго раньше, что какъ-то само собою вспоминалось мнѣ въ тѣ минуты...

И самъ я пришелъ въ умиленіе отъ того, что рассказывалъ этимъ добрымъ, простымъ людямъ, которые, широко раскрывъ глаза свои, прислушивались къ моему разсказу, звучащему неподдѣльнымъ чувствомъ. И явленіе архангела съ райскою вѣтвю, и апостолы, слетѣвшіеся на облакахъ, и погребеніе Б. М., и Спаситель, сошедшій принять на Свои руки пречистую душу Матери Своей.. И пѣніе ангеловъ, и возмущеніе іудеевъ, безумный поступокъ ревниваго іерея, и казнь Божія и проч. и проч.—все это встало предомною, какъ живая картина, и я говорилъ ужъ не изъ пролога, а то, что какъ бы видѣлъ предъ собою... Закончилъ, какъ и предполагалъ, поученіемъ о томъ, какъ надо жить, чтобы сподобиться мирной, христіанской, непостыдной кончины и вѣчной блаженной жизни за гробомъ.

Минутъ 20 говорилъ,—истину глаголю, не лгу—всѣ стояли какъ загнипнотизированные, боясь проронить одно слово...

И когда я сказалъ: аминь, изъ толпы послышалось: „спасибо, батюшка, спасибо отецъ духовный“...

Это былъ мой дебютъ.

Вскорѣ я выступилъ второй разъ, уже смѣлѣе, третій, четвертый, пятый, шестой...

И ни разу не замаялся, не „сталъ“, чего я такъ опасался раньше.

Надо-ли готовиться къ проповѣди? Какъ готовиться?

Готовиться нужно,—это несомнѣнно.

Не знаю, какъ у другихъ, но мое приготовленіе заключается, приблизительно, въ слѣдующемъ; прочитаю положенное зачало евангелія. Останавливаюсь на какой-либо мысли и начинаю ее обдумывать всесторонне. Всегда при этомъ приходитъ на память какой-либо назидательный разсказъ, читанный когда-либо въ Прологѣ, патерикахъ или Житіяхъ, разсказъ нуженъ для поясненія, для доказательства взятаго положенія. Кое-что изъ современной жизни возьмешь. Въ концѣ подчеркнешь ту же мысль,—вотъ и все... Начинаю я свои проповѣди обычно перифразомъ евангельскаго чтенія или разсказомъ изъ жизни святыхъ. Чтобы не уклониться въ толкованіи священнаго писанія, просмотрю толкованіе даннаго мѣста у блаж. Теофилакта Болгарскаго или у другихъ Отцевъ.

Для начинающихъ важно запоминать первыя слова своей проповѣди, первую фразу. Не лишне будетъ приблизительно и заключеніе выработать.

Больше всего не слѣдуетъ останавливаться на словахъ. Нужно лишь твердо запомнить планъ поученія и его держаться, не уклоняясь въ сторону, что, впрочемъ, не мѣшаетъ детальной разработкѣ слова.

Напримѣръ, такъ: начну де перифразомъ евангелія. Затѣмъ вотъ какія то слова Спасителя. Приведу примѣръ изъ Житій. Приложу къ современной жизни—и заключеньце, и аминь.

Поначалу не задавайся большимъ. Со временемъ и горчичное сѣмячко разрастется въ древо...

Если настоящая замѣтка хоть немногимъ чѣмъ поможетъ моимъ собратіямъ во Христъ, то я почту себя счастливымъ и цѣль ея достигнутою. (Тульск. Е. В.)

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Для чего за утреней въ праздники помазываютъ освященнымъ елеемъ прикладывающихся къ св. иконѣ?

Святая православная Церковь, желая проявить милующую любовь Божію къ намъ грѣшнымъ, послѣ молитвы на благословеніи хлѣбовъ и благословенія священникомъ народа, даетъ въ служебникѣ, между прочимъ, такое увѣщаніе: „И се тебѣ вѣдомо буди, о іерее! Елей же сей, его же благословилъ еси, аще есть иконостасъ, на цѣлованіи образа, люди знаменай“. Во исполненіе его наставленія священникъ въ великіе праздники за утреней или всенощнымъ бдѣніемъ во время пѣнія канона помазываетъ благословеннымъ и освященнымъ елеемъ чело (или лобъ) лобызающихъ св. икону съ произнесеніемъ словъ: „во Имя Отца, и Сына, и Святаго Духа“.

Это дѣйствіе—помазаніе вѣрующихъ благословеннымъ елеемъ есть не таинство, но освященный обрядъ Церкви, обрядъ весьма поучительный, служащій знакомъ милости къ намъ Божіей и святыхъ, воспоминаемой Церковью въ праздники.

Елей съ греческаго языка значитъ милость.

Въ то время, какъ священникъ за утреней выйдетъ на середину храма предъ икону праздника, положенную на аналой, на клиросѣ пѣвцы поютъ стихи изъ псалмовъ: 134 го и 135 го: „Хвалите Имя Господне“... „Исповѣдайтесь Господеву, яко благъ, яко въ вѣкъ милость Его“... (что милость Его вѣчна) „Исповѣдайтесь Богу Небесному, яко въ вѣкъ милость Его“...

Слова: „милость Его“ повторяются не однажды.

Пѣснопѣніемъ этихъ стиховъ сначала на словахъ прославляется милость Божія къ людямъ, а когда молящіеся прикладываются къ праздничной иконѣ, тогда внѣшнимъ дѣйствіемъ, чрезъ

помазаніе освященнымъ елеемъ, напоминаетъ имъ то же самое, т. е. милость Божія. Стало быть, христіане помазываются елеемъ на челѣ въ знакъ милости Божіей. При помазаніи елеемъ священникъ изображаетъ на челѣ помазуемаго крестъ, во-первыхъ, потому, что у насъ, христіанъ во всѣхъ знаменательныхъ дѣйствіяхъ употребляется крестъ,—это, по словамъ Св. Кирилла Іерусалимскаго „великое предохраненіе, данное бѣднымъ въ даръ и слабымъ безъ труда. Ибо это благодать Божія, знаменіе для вѣрныхъ и страхъ для злыхъ духовъ“ („Оглас. Поуч. 13, 36).

Помазанный освященнымъ елеемъ христіанинъ долженъ поэтому вступить въ постоянную борьбу съ врагами своего спасенія: плотію, міромъ и діаволомъ.

Помазаніе елеемъ служитъ также знакомъ милости Божіей, явленной намъ въ празднуемомъ событіи: и тѣмъ самымъ обязываетъ и насъ быть милостивыми—творить добрыя дѣла во славу Пресвятой Троицы. Помазаніе елеемъ, совершаемое для нашего освященія, для освященія нашего ума и мыслей, служитъ для вѣрующихъ видимымъ внѣшнимъ знаменіемъ (знакомъ) участія ихъ въ благодати и духовной радости праздника; оно (помазаніе елеемъ) служитъ знакомъ и соединенія насъ грѣшныхъ съ Іисусомъ Христомъ, чтобы приносить плоды вѣры и любви, т. е. добрыя дѣла.

Итакъ, священникъ, знаменуя чело вѣрующаго елеемъ во Имя Пресвятой Троицы, желаетъ, чтобы всѣ мы носили въ душахъ нашихъ елей и чувство любви ко Господу и, какъ ознаменованные Именемъ Божіимъ, удалялись отъ всякаго зла. (О. Е. В.)

Печатать разрѣшается: Цензоръ

Архимандритъ Прокопій.

Редакторы неофициальной части:

Архимандритъ Митрофанъ.

Протоіерей Ѳ. Казанскій.

СОДЕРЖАНІЕ НОМЕРА.

- I. Часть официальная II. Часть неофициальная:
1) Образъ буди вѣрнымъ (1 Тим. 4, 12). 2) Бытописатель бурсы. 3) Свѣтская печать о духовенствѣ. 4) По епархіи. 5) Изъ жизни другихъ епархій. 6) Печать. 7) Извѣстія и замѣтки.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

О. настоятеля, въ приходѣ коего проживаютъ дочери умершаго священника села Перемылья, Дубенскаго уѣзда, Марѳа и Анастасія Лысаковскіе, усердно прошу сообщить ихъ адресъ, необходимый мнѣ для высылки единовременнаго пособія.

Благочинный 3 окр., Дуб. у., свящ.

Іоаннъ Никольскій.